

Второй аспект, не имеющий отношения к встрече цивилизаций и культур, — это действительно изменение социально-производственных технологий, когда прежние формы жизни людей уходят, перестают быть доминантой в социальных отношениях. Работник новой формации в цехе уже не работает, его индивидуальный ресурс даже больше, чем коллективный, и он считает, что может один противостоять стихии, и перестаёт видеть врага в начальнике, который принуждает его включать станок, потому что он такой же винтик в системе. То же самое происходит с политическими партиями: они действуют уже настолько в едином поле ценностей, ориентаций, традиций и даже символики, что голосование за социалиста — это, скорее, дань традиции, чем убеждённость в правоте их сегодняшних лозунгов. Происходит затухание политической жизни, когда только выборы являются политическим актом, а всё остальное — частная жизнь.

Во многих европейских странах, наоборот, наблюдается активизация политической жизни, набирают популярность политики и партии радикального толка.

— Это когда поле уже огорожено, столбики поставлены, всё расчерчено, и тут вдруг появляется хулиган, который начинает говорить то, что уже 30 лет говорить запрещено. Политкорректность всегда порождает симпатии к хулигану, который кричит: «Доколе?!» Он нам нравится, но мы не знаем, чем ему помочь иначе, как поставить в бюллетене галочку рядом с его фамилией. Но дело в том, что, как только хулиган напяливает на себя смокинг, белую манишку и выходит на парламентскую трибуну, он начинает говорить: «Избиратель, стоящий за мной предлагает более жёсткие меры, что однако ни в коем случае не означает...» Он встраивается в существующую систему и перестаёт быть хулиганом. Время от времени напоминает, конечно, что под манишкой у него тельняшка, но демонстрировать её не решаясь.

Но это всё у них. В России ситуация совершенно иная. 25 лет назад мы узнали, что частная жизнь может

быть интересной, привлекательной, комфортной, успешной, и убежали в неё, оставив поле власти, публичной политики специальным людям, которым это занятие нравится. Для себя же решили: политика — дело грязное и приличный человек лучше будет марать руки в навозе, чем в политической борьбе. Социальная апатия, бегство от всяких политических форм жизни доминировали в нашей куль-

Это ведь противоречит ходу развития событий в экономически развитых странах, где рост благосостояния сопровождается увеличением ценности свободы выбора.

— Со свободой выбора у нас тоже всё в порядке, но только не в пределах власти. Известная конвенция: «Ребята, вы не вмешиваетесь в наши приватные дела, мы не лезем в политику». Конвенция эта держится на негласном соглашении, что её условия всеми понимаются одинаково.

В нашем обществе, если так можно назвать большой социальный агрегат, к которому мы все принадлежим, нет единой культуры, единой картины мира, есть много культур, много образов действительности, много принятых стратегий поведения, совершенно рас согласованных друг с другом. Все считают, что все ведут себя точно так же, как я. Конфликт культур, война цивилизаций, но только в отдельно взятой местности и вовсе не между людьми, принадлежащими к разным этническим группам, а к разным сообществам, сегодня вышли наружу.

В интеллигентской среде принято подшучивать над духовными скрепами, и совершенно зря. В своей основе это правильная идея. Раньше были железные обручи советской идеологии, которые побуждали говорить примерно одно и то же людей с разным мировоззрением, разными системами ценностей, разными представлениями о жизни. Власть языка — она ведь и власть над поведением. Возникала очень странная вещь, которую до сих пор мы не очень правильно оцениваем: под железной оболочкой формировались, а потом распадались самые разные идеальные конструкции. И пещерный национализм, и наивное западничество, и либерализм, заснувший 150 лет назад. Системы ценностей разного порядка были, а их интеллектуальной обработки не произошло. Обручи не пустили.

На Западе ценности разных эпох и социальных групп десятилетиями обращались на рынке идей, подвергались публичной критике. Им удалось изжить соблазн фашизма — не полностью, но в целом удалось. К нам на-

В ИНТЕЛЛИГЕНТСКОЙ СРЕДЕ ПРИНЯТО ПОДШУЧИВАТЬ НАД ДУХОВНЫМИ СКРЕПАМИ, И СОВЕРШЕННО ЗРЯ

туре на протяжении всех последних лет. Получалась странная вещь: на Западе в 1960–1970-х годах коммунальная политика являлась делом 10–15% горожан, принадлежавших к верхушкам среднего класса, они и составляли истеблишмент — тех, у кого есть собственность, образование, статус, кому было интересно, чтоб в их квартале не заходили люди, от которых не так пахнет. Все остальные — социальные низы — повторяли: «Это не наше дело, мы ничего не решаем». Потом это стало меняться и в коммунальную политику начали втягиваться другие социальные слои, получившие политическое образование. В России же всё было наоборот. В коммунальную жизнь активнее всего вовлекались люди третьего поколения, с неполным средним образованием, прибывшие в город детьми. Это явление мы обнаружили в ходе проведения социисследований, что самыми активными в коммунальной политике являются бабушки, дедушки, которым интересно, кто депутат, а кто не депутат, важно поучаствовать в какой-то акции не только потому, что там капусту дают, а просто потому, что так надо. Люди же, которые в это время работали, получали деньги, вкладывали их в квартиру, дачу, машину, на день выборов махали ручкой.